

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

А.А. Кара-Мурза

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И ЕВРОПА» В ЭМИГРАНТСКИХ ТРУДАХ В.В. ВЕЙДЛЕ

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция взглядов на проблему русско-европейской идентичности крупнейшего философа и культуролога Серебряного века В.В. Вейдле, эмигрантские работы которого исследователи относят к «новому западничеству». Особенность позиции Вейдле состояла в том, что в противоположность русским «антизападникам», апологетам концепции отдельной и самодостаточной «русской цивилизации», он полагал, что в Европе Россия не теряет, а, наоборот, обретает свою культурную идентичность. Доказательством этого Вейдле считал деятельность Петра Великого, который не «насадил» Европу в России, а «возвратил» Россию Европе, а также творчество гениев русской национальной культуры, у которых «европейскость» и «русскость» неотделимы друг от друга.

Ключевые слова: Вейдле, русская философия, культура, европейская идентичность, «новое варварство», эмиграция

Творческое наследие Владимира Васильевича Вейдле (1895–1979) – социального мыслителя, историка культуры, поэта, «последнего из могикан» русского Серебряного века, все более привлекает внимание профессиональных философов¹.

¹ См.: Жукова О.А. Границы России: культурный универсализм В.В. Вейдле // Филос. науки. 2015. № 7. С. 14–27; Омелаенко В.В. Две идентичности и две России В.В. Вейдле // Филос. науки. 2015. № 7. С. 38–44; Сиземская И.Н. В.В. Вейдле о культурной общности России и Европы // Филос. науки. 2015. № 7. С. 8–13; Усманов С.М. Европа и Россия в историософии Владимира Вейдле // Соловьевские исслед. 2013. № 4(40). С. 140–153.

Первая большая международная конференция, посвященная философско-историческому творчеству В.В. Вейдле, состоялась в 2003 г. в Перми. В те же дни по инициативе Национального фонда «Русское либеральное наследие» на историческом факультете Пермского университета, где в 1918–1921 гг. преподавал Вейдле, состоялось открытие мемориальной доски. В марте 2015 г. в Институте философии РАН была проведена Международная научная конференция «Россия и Европа: возвращение или разрыв?», посвященная 120-летию со дня рождения В.В. Вейдле.

Всю свою долгую жизнь Владимир Вейдле, воспитанный в обрусевшей немецкой семье, считал себя «русским европейцем», будучи убежден, что культурная Россия – это неотъемлемая часть европейской христианской цивилизации. Однако, полагал он, высокая культура везде и всегда испытывает давление со стороны «нового варварства»², и в этом смысле европеизм в России особо уязвим, ибо культурный слой здесь, как нигде в просвещенной Европе, тонок. Вейдле любил метафорически уподоблять Россию «огромной ватрушке», которую «скаредная хозяйка едва прикрыла тонким слоем творога»³. Вот почему *за культуру* и в этом смысле – *за Европу* в России приходится постоянно и настойчиво *бороться*, подчас – против самой наличной Европы, где тоже могут нарастать, а иногда и брать верх контркультурные тенденции.

Историки философии и культуры относят взгляды В.В. Вейдле к «новому западничеству». «Это западничество – не белинско-герценовское, а христианское, но включающее и античное наследие – общее для всей Европы», – написал в некрологе на смерть Вейдле в 1979 г. его друг, известный историк русской культуры Ю.П. Иваск⁴.

Петр Великий и Европа

Фигура Петра Великого была объектом постоянного и самого пристального внимания петербуржца по рождению Владимира Вейдле⁵. По его мнению, высказанному в 1938 г. в программной статье «Три России» (первоначально опубликованной в парижских «Современных записках»), и русские славянофилы, и русские западники одинаково заблуждались в трактовке петровских преобразований. Первые допускали ошибку, утверждая, что это был «беспримечательный в истории, извне навязанный народу культурный перелом»; вторые же были неправы, когда видели в деятельности Петра «всего лишь осуществление чего-то давно подготавливавшегося и вполне необходимого»⁶.

Согласно Вейдле, энциклопедически образованному историку и культурологу, преобразования русского царя Петра Алексеевича не были так уж уникальны и имели аналоги в мировой истории. Их вполне можно сравнить с тем, «тоже очень болезненным переломом, какой произошел в Германии за два века перед тем, когда ее старая, укорененная в душах средневековая культура столкнулась с неуправляемой волной Возрождения, шедшей из Италии. <...> Пропасть, разделявшая эти два мира, была ничуть не меньше той, что отделяла Россию царя Алексея от современного ей Запада»⁷.

Процесс «сращения» старого и нового в немецкой культуре был, возможно, еще более трудным, чем в петровской России: «Ничто в самой Германии не подготовляло ее к восприятию чуждых ей культурных форм, в то время как древняя Русь обладала чертами, уводившими ее от Византии и прибли-

² См.: Кара-Мурза А.А. Новое варварство как проблема российской цивилизации. М., 1995.

³ Вейдле В.В. Три России // Современные записки. 1938. Кн. 65. С. 308.

⁴ Иваск Ю. Владимир Васильевич Вейдле // Новый журн. 1979. Кн. 136. С. 215. См. также: Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в русской политической культуре. М., 2011.

⁵ См.: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Иваново, 1994.

⁶ Вейдле В.В. Три России. С. 310.

⁷ Там же.

жавшими к Западу»⁸. При этом две особенности отличали реформу Петра от переворота, пережитого Германией: «низкое качество того, что она хотела России навязать, и само это навязывание, т. е. революционный ее характер»⁹.

В самом деле, ведь немецкая культура на рубеже Нового времени, согласно Вейдле, «столкнулась лицом к лицу с Флоренцией и Римом, с Леонардо и Макиавелли, а России приказано было заменить Царьград Саардамом, икону “парсуной”, а веру и церковный быт шестипалым младенцем из царской кунсткамеры». С другой стороны, «в Германии никто не заставлял Дюрера подражать итальянцам или позже Опитца писать стихи на французский лад, а в России Петр резал бороды и рукава и перекраивал мозги, поскольку знал, как это делать»¹⁰.

По мнению Вейдле, грандиозное преобразование, совершенное в России Петром, «было первой революцией, какая вообще произошла в Европе, ибо английская революцией в собственном смысле слова не была, а до французской никто и не думал, что можно в несколько лет создать нечто дотоле не известное». И это была именно *революция*, а не реформа, пусть даже и самая радикальная: «Если бы дело сводилось к изменению русской жизни путем прививки ей западных культурных форм, можно было бы говорить о реформе, и притом о реформе вполне назревшей и своевременной, но путь шел к снесению старого и к постройке на образовавшемся пустыре чего-то разумного, полезного и вытянутого по линейке, а такой замысел иначе, как революционным, назвать нельзя»¹¹.

Однако Петр Великий был революционером особого типа. Вейдле называет его «первым технократом новых времен, тем, что один современный историк (Тойнби. – А.К.) предложил назвать Homo Occidentalis Mechanicus Neobarbarus»: «Современный американец мог бы ценить в нем своего предшественника, для которого культура уже сводилась целиком к технической цивилизации»¹².

Издержки петровских преобразований, как пишет Вейдле в статье «Три России», были весьма велики, ибо Петр «передельвал» Россию, «не спрашивая ее мнения, не считаясь с ее чувствами, разрушая в ее укладе не только то, что казалось вредным, но и то, что казалось недостаточно полезным»¹³. В итоге Петр «парализовал на два века деятельность русской церкви, он окончательно отрезал от народного быта культурный быт»¹⁴. Петр, согласно Вейдле, «представлял себе государство по старой русской привычке, получившей поддержку в рационалистическом абсолютизме современного ему Запада, как нечто внеположное стране, почти как смирительную рубашку на сумасшедшем, который иначе стал бы буйствовать, и страна ответила ему еще обострившимся против прежнего взаимным отчуждением государства и народа. В конечном счете мы обязаны Петру, и всем тем великим, что было создано петербургской Россией, и той катастрофой, что положила ей конец»¹⁵.

Однако, в отличие от славянофильских критиков петровских реформ, Вейдле констатирует в конечном счете исключительную благотворность преобразований Петра Великого: «Он многое в России поккалечил и многое око-

⁸ Вейдле В.В. Три России. С. 311.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. В нью-йоркском издании 1956 г. слово «американец» заменено на: «прогрессист» (см.: Вейдле В.В. Три России // Вейдле В.В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 86).

¹³ Вейдле В.В. Три России // Современные записки. 1938. Кн. 65. С. 311.

¹⁴ Там же. С. 312.

¹⁵ Там же.

стенил, но в самом главном он успел, – как не слишком заботливый хирург, ничего не спасший больному, кроме жизни...»¹⁶. В другом месте этой же статьи Вейдле формулирует ту же мысль иначе: «Царь-плотник, к несчастью для нас, был в очень малой мере царем-садовником»¹⁷.

Итак, «ограниченность» царя Петра «была велика, но все же не превышала его гения»: «Толкнув Россию к Западу, он все же исполнил ее судьбу и сделал то, что как раз и требовалось сделать. Он воспитывал мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина; он думал о верфях и арсеналах, но вернул Европе Россию, а за ней весь православный мир: основанием Петербурга вновь соединил то, что было разъединено основанием Константинополя. Дело Петра переросло его замыслы, и переделанная им Россия зажила жизнью гораздо более сложной и богатой, чем та, которую он так свирепо ей навязывал»¹⁸.

Реформы Петра, согласно Вейдле, были, конечно, во многом импровизацией, опиравшейся на огромную личную волю, однако общее направление движения – в Европу – было угадано верно. Ведь сам царь Петр Алексеевич был воспитан, конечно, именно в европейской христианской традиции. «Когда ему не было еще и двенадцати лет, – писал Вейдле о юном сыне царя Алексея, – во всех московских церквях служили благодарственные молебны по случаю освобождения Вены от турецкой осады (осенью 1683 г., в период регентства царевны Софьи. – А.К.)»¹⁹.

«Басурманской столицей та раскольниковья, стрелецкая, избяная Белокаменная все же не была, – пишет Вейдле о петровской Москве. – Когда Петр, подросши, растолкал, взбудоражил ее, осрамил и развенчал, когда он всю страну “вздернул на дыбы” и выстегал заморской плетью, многое так и осталось поруганным и оскверненным, но переворот был все-таки направлен верно, окно прорублено на Запад, а не на Восток. Доказательством этому служат все дальнейшие двести лет, и, прежде всего, тот необыкновенно бодрый и быстрый рост государственной, хозяйственной и созидательно-духовной жизни, которым было отмечено время от Ломоносова до Пушкина»²⁰.

Преобразования Петра Великого, по мнению Вейдле, облегчались тем несомненным для автора обстоятельством, что «Древняя Русь, уже в силу византийского воспитания своего, была Европой, т. е. обладала основными предпосылками европейского культурного развития»²¹. Более того, согласно Вейдле, «допетровская русская культура была западней византийской. <...> И потому дело Петра было лишь законным завершением того круга, прошедшего сквозь четырнадцать веков исторического пути, который начался перенесением римской столицы в Константинополь и кончился перенесением русской столицы в Петербург. Религиозная, государственная, правовая жизнь Древней Руси, при всех отличиях от Запада, все же меньше отличалась от него, чем соответственные области византийской культуры, а кое в чем была ближе к нему, чем к самой византийской своей наставнице»²².

Между тем все большее «обособление» Руси от Европы в «московский период» могло привести к «полному отъединению европейского Востока от Запада»: «Россия могла выпасть из Европы»²³. Этого тем не менее не случи-

¹⁶ Вейдле В.В. Три России // Современные записки. 1938. Кн. 65. С. 311.

¹⁷ Там же. С. 312.

¹⁸ Там же. С. 311–312. См. также: Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. М., 2009. С. 214–232.

¹⁹ Вейдле В.В. Возвращение на Родину // Вейдле В.В. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 22.

²⁰ Там же.

²¹ Вейдле В.В. Россия и Запад // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 265.

²² Там же. С. 265–266.

²³ Там же. С. 266.

лось, потому что «препятствовали этому не только сохранившиеся, хотя и слабые, связи с западным миром, но и еще больше те западные сравнительно с Византией черты, что проявились в духовном обиходе и культурном творчестве Московской Руси»²⁴.

«Опасность деевропеизации», по мнению Вейдле, была окончательно устранена Петром: «Константин раздробил, Петр восстановил европейское единство. Удача, по крайней мере в плане культуры, совершенного им всемирно-исторического дела засвидетельствована всем, что было создано Россией за два века петербургской ее истории»²⁵. Именно два столетия расцвета Петербургской России являются главным аргументом Владимира Вейдле в пользу его «европеистской» историософской концепции.

Согласно Вейдле, судить о любой нации «нужно, как о личности» – «не столько по корням ее, сколько по ее плодам»: «У нас слишком часто судили о России не по тому, чем она стала, а по тому, чем якобы обещала стать. Даже если бы древнерусская культура не была частью европейской, а соответствовала во всем славянофильским или евразийским представлениям о ней, новой русской культуры было бы вполне достаточно, чтобы доказать предначертанность для России не какого-нибудь иного, а именно европейского пути. Если бы Петр был японским микадо или императором ацтеков, на его земле завелись бы со временем авиационные парки и сталелитейные заводы, но Пушкина она бы не родила»²⁶.

«Евразия» или «Еврафрика»?

Убежденный европеист, Владимир Вейдле любил поиронизировать над периодически реанимируемой в отечественной историософии версией о том, что Россия – в культурно-цивилизационном смысле – не Европа, а некая «Евразия». «Если называть Евразией Россию, – писал Вейдле в 1936 г. в работе “Границы Европы” (в своей первой большой статье в парижских “Современных записках”), – то уж, конечно, с не меньшим правом можно назвать Испанию Еврафрикой»²⁷.

Евразийская идея «месторазвития», согласно Вейдле, мало что объясняет. Ведь «геологически» «пиренейский полуостров составляет часть африканской материка, да и по сей день Гибралтарский пролив гораздо меньше отделяет его от Африки, чем высокий горный хребет от Европы. Древнейшее население его, иберы – выходцы из Африки, родственные берберам. Что же касается чингисханова воспитания, постулируемого для России, то и сами евразийцы согласятся, должно быть, признать культурно-воспитательную деятельность Омейядов (т. е. мавров в Испании. – А.К.) и более бесспорной, и более длительной. Остается поэтому объявить Сиду, а заодно и Дон-Кихота национальными героями ливийских кочевых племен, а создавшую их страну – начисто исключить из европейского культурного круга. Любопытно, что и в самой Испании появлялись время от времени если не евроафриканцы, то иберофилы, склонные совершенно серьезно рассматривать Пиренеи как не-

²⁴ Вейдле В.В. Россия и Запад // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 267.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. См. также: Вейдле В.В. Пушкин и Европа // Современные записки. 1937. Кн. 63. С. 220–231. Подробнее об этом: Кара-Мурза А.А. «Всемирная отзывчивость» или «русский европеизм»? (Владимир Вейдле о творчестве Пушкина) // Полилог. 2018. Т. 2. № 1. С. 3.

²⁷ Вейдле В.В. Границы Европы // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 309.

преодолимую преграду между Веласкесом и Хальсом, Дон-Жуаном и Гамлетом, Санчо и Фальстафом и видеть в своей стране наглухо в себе замкнутый культурный мир»²⁸.

Тему «Евразии» как прямого аналога столь же фантомной, на его взгляд, «Ефрафрики» Вейдле продолжил в 1938 г. в работе «Россия и Запад». «Понятие Евразии по отношению к России географически столь же оправдано, как понятие Еврафрики по отношению к Испании, – повторяет свой тезис Вейдле, – но ни о евразийской, ни о еврафриканской культуре говорить нельзя, а можно говорить лишь о национальных культурах русской и испанской, в которых черты, занесенные с Востока, сыграли большую роль, чем в национальных культурах других европейских стран»²⁹. «Все эти простые истины, – продолжает Вейдле, – забывались бы менее легко, если бы сравнительно отчетливые понятия Азии, или Ближнего Востока, или магометанского мира не заменялись постоянно всезначашим словом Восток, беспрепятственно дающим себя использовать любой идеологии»: «Стоит это слово произнести, чтобы все европейское, но не относящееся к Западной Европе, немедленно превратилось в нечто отнюдь не европейское уже, а иное, враждебное, “восточное”. Эта магическая операция удавалась бесчисленное количество раз в минувшем веке, да и сейчас не лишилась способности затмевать как западные, так и русские умы»³⁰.

Позитивистические или натуралистические предпосылки евразийства называются в стремлении целиком выводить культуру из данных географии и этнологии, забывая о том, что духовная преемственность может оказаться сильней и тех, и других, а также в понимании национальной культуры, как некоего непосредственного выделения народа, тогда как она может содержать не только не народные, по своему происхождению, но и противонародные черты³¹.

Стать на точку зрения такой теории, согласно Вейдле, означает «не признавать венгров европейским народом, не видеть, что эллинство Гете или Гельдерлина столь же подлинно, как их германство, что западность и русскость Пушкина – одно; это значит, в конечном счете, утверждать, что христианами могут быть только евреи или что в средневековой Франции цвела исключительно французская, но никак не христианско-европейская культура»³². Верно в этих воззрениях лишь то, продолжает Вейдле, что «духовная преемственность протекает не в царстве духа, а в условиях исторического существования, вследствие чего христианство, античность, византийство и все вообще, что распространяется и передается, неизбежно меняет свой облик под влиянием местных условий, окрашивается по-новому в новой этнической среде»³³.

В самом деле, отмечает Вейдле, «никто не отрицает, конечно, что влияние Востока (а не внутреннее с ним родство) сыграло немалую роль в истории России, и особенно Испании»: «Семь веков арабской культуры – не то что два века Золотой Орды. В испанском характере, в испанских нравах, в ис-

²⁸ Вейдле В.В. Россия и Запад // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 310. В нью-йоркском издании 1956 г. слова: «Санчо и Фальстафом» заменены на: «Кальдероном и Корнелем» (Вейдле В.В. Границы Европы // Вейдле В.В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 64).

²⁹ Вейдле В.В. Россия и Запад. С. 261.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 265.

³² Там же.

³³ Там же.

панском искусстве и даже в испанской мистике больше восточных черт, чем в русской жизни и культуре, что не мешает Испании, как и России, оставаться Европой: Сервантес – не мавр, и Пушкин – не монгол»³⁴.

Возвращение в Европу

Европеизация России, согласно Вейдле, была *возвратом в Европу* после долгого отлучения, и в этом смысле принципиально отличается от модернизации стран Востока. Индия или, например, Япония «сохраняют своеобразие вопреки европеизации и ровно в той мере, в какой она не завершена; Россия заложенное в ней своеобразие, только вернувшись в Европу, и смогла полностью осуществить. Она стала, конечно, более похожей на западные страны, чем была до того, но это сходство не уничтожило несходства, а сочеталось с ним и привело к цветению, которое вне такого сочетания было бы невысказано»³⁵. По мысли Вейдле, «воссоединение с Западом» означало возвращение Россией своего законного места в Европе, то есть обретение ею самой себя: «Русской культуре предстояло не потерять свою индивидуальность, а впервые ее целостно приобрести, – как часть другой индивидуальности. Европа – многонациональное единство, неполное без России; Россия – европейская нация, неспособная вне Европы достигнуть полноты национального бытия»³⁶.

Этот вывод – один из фундаментальных для русского культурного европеизма: свою подлинную самобытность Россия может обрести только в Европе. Наивны или лукавы те, кто думает, что чем дальше от Европы, тем якобы больше самобытности – дело обстоит как раз противоположным образом: «Утверждаясь в Европе, Россия утверждалась и в себе. Современникам Екатерины это было так ясно, что споры, связанные с этим, касались лишь частных дел, а не существа дела; и почти столь же ясно это было современникам Александра I-го»³⁷.

Итак, ключевой вывод Вейдле: в Европе Россия не теряет, а, напротив, обретает свою самобытность. «Золотыми веками» самобытной русской культуры были именно те, когда она наиболее отчетливо осознавала себя частью культуры общеевропейской. И наоборот: вне Европы Россия свою самобытность теряет. Поэтому европеизм и самобытность не только не противоречат, а, напротив, плодотворно подпитывают друг друга. Пример тому – великий Пушкин, в котором подлинный европеизм и глубочайшая русскость слились воедино»³⁸.

Но что же случилось потом с великой Петербургской Россией, казалось бы, прочно вернувшейся в Европу? Последующая историческая драма, по мысли Вейдле, заключалась в постепенной утрате правящим слоем России «петровского», культурно-просветительского импульса. Более того: сам культурный класс, русская интеллигенция, будучи продуктом и двигателем европеизации, сама со временем породила в своей среде настроения и тенденции, ставшие орудием отчуждения России от Европы.

³⁴ Вейдле В.В. Границы Европы // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 310.

³⁵ Вейдле В.В. Возвращение на Родину. С. 24. См. также: Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? Размышления участника конференции // Полис. 1993. № 2. С. 90–96.

³⁶ Вейдле В.В. Россия и Запад. С. 268.

³⁷ Там же. С. 269.

³⁸ Подробнее об этом см.: Кара-Мурза А.А. «Всемирная отзывчивость» или «русский европеизм»? С. 3.

Классическое русские противостояние «западников» и «самобытников» было поначалу вполне *внутриевропейским* спором, явлением высокой культуры. Речь шла о том, на какую именно Европу ориентироваться: на христианскую и допросвещенческую, еще не затронутую прогрессистскими искушениями, или, напротив, на уже секулярную Европу, познавшую вкус гражданственности и правового строя? Однако родившийся на вполне европейской почве и ставивший по сути общеевропейские проблемы спор отечественных западников и самобытников постепенно внутренне деградировал, что привело к обоюдному упрощению обоих лагерей. Личностные культурные усилия заменили «кружковщина», «партийность», а мировоззренческий поиск и творчество были подменены все более затвердевающими и не терпящими внутреннего диссидентства идеологиями³⁹. Поэтому как «самобытническая», так и «западническая» партии, равно деградировавшие, внесли общий вклад в понижение тона русской культуры, а следовательно, и в отчуждение России от Европы. Их общими жертвами часто становились подлинные европейцы, не укладывающиеся в прокрустово ложе партийных идеологий⁴⁰.

Будучи, согласно формальной классификации, несомненным «западником», Вейдле неоднократно защищал в своих работах замечательного русского поэта, мыслителя и дипломата Ф.И. Тютчева от нападков недалеких полунинтеллигентов, которые записывали европейца Тютчева в «антизападники» только на том основании, что тот вполне справедливо критиковал «рабское подражание Западу», сравнивая иных русских прогрессистов с «дикарями», которые «бросаются на вещи, выброшенные им кораблекрушением»⁴¹.

Вейдле полагал, что Тютчев «не только усвоил европейскую культуру, но и европейскую землю чувствовал своей землей. Мыслил он европейски, т. е. исходя из целого Европы, просто потому, что иначе мыслить не умел, и Россия была для него хоть и Восточной Европой, а Европой. Настоящий Восток был ему чужд, и ничего азиатского он в русском не искал... Тютчев не одобряет русского нарочитого европеизма, т. е. рабского подражания Западу, но это значит также, что двух цивилизаций, двух культур, русской и западной, для него нет, а есть лишь одна европейская, одинаково принадлежащая Западу и России»⁴².

По мысли Вейдле, такие фигуры, как Тютчев, были абсолютно правы, когда считали русский европеизм проблемой *культурного творчества*, а не подражательства⁴³, потому что в истории русского «западничества» действительно существовали периоды «преувеличений и односторонностей», вроде «галломании» или «пенкоснимательства и западнического чванства, никогда не исчезающих из русской действительности»⁴⁴.

Псевдоевропеизм русских подражателей, пренебрегавших национальной спецификой и стиравших ее, где только возможно, как это ни парадоксально, мог поставить под угрозу подлинное возвращение России в Европу: «Опасность денационализации России была реальна, и те, кто с ней боролся, были тем более правы, что лишенная национального своеобразия страна тем

³⁹ См.: *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

⁴⁰ См.: *Жукова О.А.* Субкультура власти и социальный порядок в России // *Полис*. 2013. № 2. С. 179–188.

⁴¹ *Вейдле В.В.* Тютчев и Россия // *Вейдле В.В.* Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 189.

⁴² Там же. С. 177.

⁴³ См. об этом: *Жукова О.А.* Избр. работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М., 2014.

⁴⁴ *Вейдле В.В.* Россия и Запад. С. 268.

самым лишилась бы и своего места в европейской культуре...». Подлинный русский европеизм обязан быть творческим и синтетичным: он «уже не согласится ни с славянофилом, готовым в некотором роде довольствоваться народным тоническим стихом, ни с западником, уху которого стих Кантемира должен казаться более радикально-“европейским” и, значит, передовым, нежели стих Пушкина»⁴⁵.

Но еще более губительными для русской культуры стали новые «заигрывания» как русского официоза, так и русского нигилистического диссидентства с идеями «охранительной самобытности», предельно высокомерные по отношению к культурной Европе. Новое отчуждение России от Европы в последней трети девятнадцатого века имело для России фатальные последствия: «Как только затуманилось для нас лицо Европы, тотчас постигла нас странная сонливость и повсюду стали замечаться уныние, застой, убыль духовных сил. Наши шестидесятники заклеили окно на Запад прокламациями и подметными листками, отказались от всего его богатства ради горсти лозунгов, ничего не дававших мысли, но пригодных для борьбы. Как бы ни расценивать эту борьбу и всю их деятельность с других точек зрения, с точки зрения культуры она была в высшей степени вредоносна. Недаром проявляли они столь крайнюю нетерпимость ко всем инакомыслящим и столь резкую вражду ко всему, что нельзя было поставить на службу политике (разумеется, их политике): к религии, философии, поэзии, искусству и даже к научному знанию, непригодному для пропаганды и не направленному на непосредственное удовлетворение практических нужд»⁴⁶.

Все это, по мысли Вейдле, привело к понижению творческого тонуса России, ее «провинциализации», очень верно отраженной великим Чеховым, и в конечном счете послужило образованию того умственного склада, который вскоре стал характерен для широких слоев, относящих себя к интеллигенции. Именно этот слой «полуинтеллигентов», использовавший отчуждение от европейской высокой культуры в качестве своего жизненного субстрата, и восторжествовал в России после Октября: «Полуинтеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной. В России началось снижение культуры, а потом и сдача ее на слом при Сталине, вместе с отчуждением от остальной Европы, достигшем размеров невиданных в послепетровские времена. Россия отходила от Запада... Самобытность она этим не приобретала. Наоборот, чем дальше отходила, тем становилась меньше похожей на себя»⁴⁷.

Каков же был конкретный механизм этого понижения и опошления русской культуры в среде русской «псевдоинтеллигенции»? Здесь Вейдле формулирует еще одну историософскую мысль, которую в таком целостном и одновременно четко афористическом виде, похоже, ни у кого более не найти. Речь идет о проблеме «своего» и «чужого» в культуре и истории. По мнению Вейдле, партийные идеологи-полуинтеллигенты, рядящиеся либо в тогу «западников», либо «самобытников» (по сути, неважно) и в основном имитируя непримиримые расхождения, на самом деле в главном *едины*. И те, и другие равным образом *неправомерно противопоставляют Россию и Европу* и тем самым играют в общую контркультурную и в этом смысле антироссийскую

⁴⁵ Вейдле В.В. Россия и Запад. С. 269.

⁴⁶ Вейдле В.В. Возвращение на Родину. С. 62.

⁴⁷ Там же. См. также: Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 107–119; Жукова О.А. История русской культуры в вузе: историческое знание и духовная традиция // Вопр. истории. 2007. № 8. С. 1–10.

игру. «Безоговорочное и непримиримое противопоставление России Западу, Западу России есть ядро идейного комплекса, любопытного прежде всего тем, что его создали и дружно развивали ни в чем другом не согласные между собой умы: исключительные приверженцы всего русского в России и фанатические поклонники Запада на Западе»⁴⁸.

И далее: «И те, и другие стремятся возвеличить “свое” путем умаления “чужого”, не понимая относительности различия между своим и чужим, и само стремление это приносит им заслуженную кару, неизбежно приводя к сужению своего, которому начинает отовсюду угрожать их же собственными усилиями раздутое, разросшееся чужое. Ревнивые европейцы окапываются за Рейном и Дунаем, а наши собственные самобытники отступают от Невы к Москве-реке, откуда и Москва не показалась им еще недостаточно восточной»⁴⁹.

Отсюда общий драматический результат: «Вместо осознания России как органической составной части Европы от нее временно отделенной и имеющей шанс вернуться в ее лоно, сохраняя при этом свою особенность, свое неповторимое лицо, у нас стремились либо закрепить навсегда ее отдельность, либо совершить непоправимый отказ от ее особой судьбы, от исторической ее личности»⁵⁰.

В этом смысле «грех» русских радикальных западников Вейдле видел в том, что «им очень хотелось сделать Россию Европой, но они упорно забывали, что Россия уже Европа», и в своем прогрессистском усердии часто безжалостно вытаптывали то, что по сути было европейским⁵¹.

Итак, самобытники отрицали Европу, а западники отрицали Россию. Но и те, и другие противопоставляли Россию Европе, и большевикам оставалось проделать лишь нехитрую идеологическую компиляцию – совместить пороки обеих концепций: «Революция в советской ее форме, роковым образом унаследовала оба отрицания... Отрицание Европы, от которой она Россию отторгла, и отрицание России, которой она навязала глубоко ей чужой... бездушный техницизм»⁵².

Иначе говоря, большевики, убив Европу в России, радикально отторгли Россию от Европы, но тем самым они уничтожили и саму Россию, нивелировав ее с другими «коммунизирующимися» сообществами. Для Вейдле, СССР – принципиально не был и не мог быть наследником российской государственности: «Ведь эти четыре буквы или четыре слова всего лишь ко всем услугам готовая и ради них придуманная кличка, которая при случае подошла бы к Патагонии или Австралии не хуже, чем к Московии... И обозначает она, конечно, не душу России и даже не ее тело, а лишь универсального покроя мундир, напыленный на нее совершенно так же, как он напылен на многие другие страны и который закройщики его готовятся напаять на весь мир»⁵³. Равным образом и РСФСР («Российская советская...» и пр.) ничего общего не имеет с Россией: «Россия тут хоть и упомянута, но в виде прилагательного, как если бы человека назвали не Иваном, а ивановской разновидностью блондинов среднего роста»⁵⁴.

В России произошла трагедия, но эта трагедия, по мысли Вейдле, является общей для всей культурной Европы. Ведь уничтожение России как части Европы не может быть безразлично самой Европе. Важно всем признать, что

⁴⁸ Вейдле В.В. Россия и Запад. С. 260.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Вейдле В.В. Границы Европы // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 304–318.

⁵¹ Там же. С. 311.

⁵² Там же.

⁵³ Вейдле В.В. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 5.

⁵⁴ Там же.

Россия в данной ситуации расплачивается не только за свои, но и за общие, в том числе общеевропейские, грехи. При этом формой расплаты является не только русский коммунизм, но и итало-немецкий фашизм, и «нет в мире ни одной страны, вполне неповинной во взрощении этой двойной отравы». Не любил Вейдле и американского дегуманизированного техницизма, часто самодовольно противопоставляющего себя «старой Европе». Он полагал, что антикультурный американизм – это такой же «вывих» и «болезнь» Европы, как и советский большевизм: «Россия и Америка... Обе страны поражены наиболее крайней формой утилитарно-технического идолопоклонства, так как все отличия рядом с этим отступают на второй план. В России идола принуждают поклоняться, в Америке поклоняются ему свободно; первое – страшней, но второе, пожалуй, еще безвыходней».

В конце жизни Вейдле надеялся, что, переболев большевизмом, получив этот исторический урок и преподав его другим нациям, Россия сможет вернуться в Европу и там своим примером послужит предупреждением для самой Европы от новых возможных всплесков антикультурной, тоталитарной варваризации: «Разучилась Россия – под кнутом разучилась – мыслить себя Европой, а все-таки, если спасется она из-под кнута, если вернет себе свою историю, она воссоединится с Западом и будет снова не только христианской, но и европейско-христианской страной»⁵⁵.

Итак: Россия – часть Европы, но она так же самобытна и единственна, как и любая другая страна Европы. Это парадоксальное умозаключение и сегодня может резать слух не только правоверных «самобытников», но и иных западных «идеологов-партийцев», на животном уровне отторгающих сами слова «самобытность», «особое призвание» и пр. И европеист Вейдле хорошо понимал это. «Как это я, прославивший западником, – вопрошал он, – могу говорить о единственности России... о ее миссии в отношении остальной Европы? Но отчего же нет? Быть Мессией – одно; обладать особым призванием – совсем другое. Давно пора понять, что Россия так же единственна в европейском целом, как Англия или Италия. Причем значение части для целого как раз и определяется ее несходством с другими ее частями»⁵⁶. Европа здесь уподобляется оркестровой гармонии инструментов, где каждый имеет свой смысл, свой стиль и свою задачу, но звук которого может раскрыться только в общем симфоническом звучании.

Каков же вывод делает Вейдле из этих историософских размышлений? «Пора вернуться в Россию. Не нам, а России, детям и внукам всех тех, с кем мы расстались, когда мы расстались с ней. Пора им зажить в обновленной, но все же в той самой стране, где мы некогда жили, в России-Европе, в России, чья родина – Европа. Из нерусского, мирового по замыслу, но Европе враждебного СССР пора им вернуться в Россию и тем самым в Европу; пора им вернуться на родину»⁵⁷.

Возвращение России в Европу – это возвращение в свою, европейскую культуру. Скончавшийся в 1979 г. Вейдле верил в новую постбольшевистскую Россию, которая просто обязана будет «заново прорубить окно – не в Европу даже, на первых порах, а в свое близкое и родное, но наполовину неведомое ей, украденное у нее прошлое»⁵⁸.

⁵⁵ Вейдле В.В. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 5.

⁵⁶ Вейдле В.В. Возвращение на Родину. С. 26.

⁵⁷ Там же. С. 17.

⁵⁸ Вейдле В.В. Пора России снова стать Россией // Вейдле В.В. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 163.

Чтобы это случилось, – писал в конце жизни Владимир Вейдле, – нужно вымести сор из избы, убрать гнездящуюся по углам путаницу и мертвечину; нужно совесть раскрепостить, нужно выбросить за окно отрепья давно исчерпавшей себя, давно беспредметной идеологии. Срок для этого настал. Люди для этого есть. Пора нашей стране очнуться, прозреть, пора зажечь на ветру, а не взаперти, новой, зрячей, полноценной жизнью⁵⁹.

Список литературы

- Вейдле В.В.* Безымянная страна. Париж: ИМКА-Пресс, 1968. 164 с.
- Вейдле В.В.* Границы Европы // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 304–318.
- Вейдле В.В.* Задача России. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1956. 238 с.
- Вейдле В.В.* Пушкин и Европа // Современные записки. 1937. Кн. 63. С. 220–231.
- Вейдле В.В.* Россия и Запад // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 260–280.
- Вейдле В.В.* Три России // Современные записки. 1938. Кн. 65. С. 304–322.
- Жукова О.А.* Границы России: культурный универсализм В.В. Вейдле // Филос. науки. 2015. № 7. С. 14–27.
- Жукова О.А.* Избр. работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Согласие; Артём, 2014. 514 с.
- Жукова О.А.* История русской культуры в вузе: историческое знание и духовная традиция // Вопр. истории. 2007. № 8. С. 1–10.
- Жукова О.А.* Субкультура власти и социальный порядок в России // Полис. 2013. № 2. С. 179–188.
- Иваск Ю.* Владимир Васильевич Вейдле // Новый журн. 1979. Кн. 136. С. 213–215.
- Кара-Мурза А.А.* «Всемирная отзывчивость» или «русский европеизм»? (Владимир Вейдле о творчестве Пушкина) // Полилог. 2018. Т. 2. № 1. С. 1–11.
- Кара-Мурза А.А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: ИФ РАН, 2006. 180 с.
- Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2012. № 2(9). С. 27–44.
- Кара-Мурза А.А.* Новое варварство как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 211 с.
- Кара-Мурза А.А.* Свобода и порядок. М.: Изд-во МШПИ, 2009. 248 с.
- Кара-Мурза А.А.* Что такое российское западничество? Размышления участника конференции // Полис. 1993. № 2. С. 90–96.
- Кара-Мурза А.А., Жукова О.А.* Свобода и вера. Христианский либерализм в русской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011. 184 с.
- Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор: Русские о Петре I. Иваново: Форa, 1994. 320 с.
- Омелаенко В.В.* Две идентичности и две России В.В. Вейдле // Филос. науки. 2015. № 7. С. 38–44.
- Сиземская И.Н.* В.В. Вейдле о культурной общности России и Европы // Филос. науки. 2015. № 7. С. 8–13.
- Усманов С.М.* Европа и Россия в историософии Владимира Вейдле // Соловьевские исслед. 2013. № 4(40). С. 140–153.
- Шарова В.Л.* Россия как Европа: европейские основы цивилизационной идентичности России // Филос. мысль. 2017. № 2. С. 71–83.

⁵⁹ *Вейдле В.В.* Пора России снова стать Россией // *Вейдле В.В.* Безымянная страна. С. 163–164.

The problem of Russia vs. Europe in the emigrant writings of Vladimir Weidle

Aleksei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

This paper explores the evolution of views on the problem of Russian-European identity of Vladimir Vasilyevich Weidle (1895–1979), major Russian philosopher and culture theorist of the Silver age, whose emigrant works some scholars classify as ‘new Westernism’. In distinction to Russian ‘anti-Westerners’ who adhered to the idea of an isolated and autarchic ‘Russian civilization’, Weidle was convinced that by integrating with Europe Russia does not lose, but, on the contrary, acquires her cultural identity. To prove this, he recalls the deeds of Peter the Great who, far from ‘inculcating’ Europe in Russia, only ‘restored’ Russia to Europe, and quotes the most illustrious representatives of Russian national culture, in whose work the Russian and the European identity are inseparable from one another.

Keywords: Vladimir Vasilyevich Weidle, Russian philosophy, culture, European identity, ‘new barbarism’, emigration

References

Ivask, Yu. “Vladimir Vasilyevitch Veydle” [Vladimir Vasilyevitch Weidle], *New Magazine*, 1979, No. 136, pp. 213–215. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. “Chto takoe rossiiskoe zapadnichestvo? Razmyshleniya uchastnika konferentsii” [What is Russian Westernism? Reflections of the participant of a conference], *Polis*, 1993, No. 2, pp. 90–96. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. *Intellektual'nye portrety. Ocherki o russkikh politicheskikh myslitelyakh XIX–XX vv.* [Intellectual portraits. Essays about Russian political thinkers of the XIX–XX centuries]. Moscow: IPh RAS Publ, 2006. 180 pp. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. “Kak idei prevrashchayutsya v ideologii: rossiiskii kontekst” [How ideas turn into ideologies: the Russian context], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2012, No. 2(9), pp. 27–44. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. *Novoye varvarstvo kak problema rossiyskoy tsivilizatsii* [New barbarism as a problem of Russian civilization]. Moscow: IPh RAS Publ., 1995. 211 pp. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. *Svoboda i poryadok* [Freedom and order]. Moscow: MSPR Publ, 2009. 248 pp. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. ““Vsemirnaya otzyvchivost' ili ‘russkiy evropeizm’? (Vladimir Weidle o tvorchestve Pushkina)” [‘Global responsiveness’ or ‘Russian europeism’? Vladimir Weidle about Pushkin’s work], *Polilog*, 2018, Vol. 2, No. 1, pp. 1–11. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. & Polyakov, L. V. *Reformator. Russkiye o Petre I* [Reformer. Russians about Peter I]. Ivanovo: Fora, 1994. 320 pp. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. & Zhukova, O. A. *Svoboda i vera. Khristianskii liberalizm v rossiiskoi politicheskoi kul'ture* [Freedom and faith. Christian liberalism In Russian political culture]. Moscow: IPh RAS Publ, 2011. 184 pp. (In Russian)

Omelayenko, V. V. “Dve identichnosti i dve Rossii V.V. Weidle” [Two identities and two Russia], *Filosofskiyе nauki*, 2015, No. 7, pp. 38–44. (In Russian)

Sharova, V. L. “Rossiya kak Evropa: evropeyskiye osnovy tsivilizatsionnoy identichnosti Rossii” [Russia as Europe: Civilizational foundations of Russia’s identity], *Filosofskaya mysl*, 2017, No. 2, pp. 71–83. (In Russian)

Sizemskaya, I. N. “V.V. Weidle o kulturnoy obshchnosti Rossii i Evropy” [Weidle about the cultural community in Russia and Europe], *Filosofskiyе nauki*, 2015, No. 7, pp. 8–13. (In Russian)

Usmanov, S. M. “Evropa i Rossiya v istoriosofii Vladimira Weidle” [Europe and Russia in the philosophy of history Vladimir Weidle], *Solovyevskiye issledovaniya*, 2013, No. 4(40), pp. 140–153. (In Russian)

Weidle, V. V. *Bezimyannaya strana* [Nameless country]. Paris: YMKA-Press, 1968. 164 pp. (In Russian)

Weidle, V. V. “Granitsy Evropy” [Europe’s borders], *Sovremennyye zapiski*, 1936, Vol. 60, pp. 304–318. (In Russian)

Weidle, V. V. *Zadacha Rossii* [Task of Russia]. New York: Chekhov Publ., 1956. 238 pp. (In Russian)

Weidle, V. V. “Pushkin i Evropa” [Pushkin, and Europe], *Sovremennyye zapiski*, 1937, Vol. 63, pp. 220–231. (In Russian)

Weidle, V. V. “Rossiya i Zapad” [Russia and the West], *Sovremennyye zapiski*, 1938, Vol. 67, pp. 260–280. (In Russian)

Weidle, V. V. “Tri Rossii” [Three Of Russia], *Sovremennyye zapiski*, 1938, Vol. 65, pp. 304–322. (In Russian)

Zhukova, O. A. “Granitsy Rossii: kulturnyy universalizm V.V. Weidle” [Russia’s borders: cultural universalism V. V. Weidle], *Filosofskiye nauki*, 2015, No. 7, pp. 14–27. (In Russian)

Zhukova, O. A. *Izbrannyye raboty po filosofii kultury. Kulturnyy kapital. Russkaya kultura i sotsialnyye praktiki sovremennoy Rossii* [Selected works on the philosophy of culture. Cultural capital Russian culture and social practices of modern Russia]. Moscow: Soglasie Publ.; Artem Publ., 2014. 514 pp. (In Russian)

Zhukova, O. A. “Istoriya russkoy kultury v vuze: istoricheskoye znaniye i dukhovnaya traditsiya” [History of Russian culture at the University: historical knowledge and spiritual tradition], *Voprosy istorii*, 2007, No. 8, pp. 1–10. (In Russian)

Zhukova, O. A. “Subkultura vlasti i sotsialnyy poryadok v Rossii” [Subculture of power and social order in Russia], *Polis*, 2013, No. 2, pp. 179–188. (In Russian)